

Сергей Соколов

Ответы найдутся

Сергей Соколов

**Ответы найдутся.
Сборник рассказов**

«ЛитРес: Самиздат»

2016

Соколов С. А.

Ответы найдутся. Сборник рассказов / С. А. Соколов —
«ЛитРес: Самиздат», 2016

ISBN 978-5-5321-2783-8

Рассказы в представленной книге объединяет мысль о порой существенном влиянии ещё непознанных законов природы на жизнь обыкновенных людей, с их заботами, чаяниями, надеждами, на отношение к своей судьбе, к судьбе своих близких. Главное — нравственный выбор в предлагаемых обстоятельствах.

ISBN 978-5-5321-2783-8

© Соколов С. А., 2016
© ЛитРес: Самиздат, 2016

Содержание

Сторож	5
Две минуты первого	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Сторож

Семён Савельевич Редькин стал стариком. Это факт, и Семёну Савельевичу следовало признать его ещё лет пятнадцать назад, когда он только-только вышел на пенсию. Но молодой на вид, не часто хворающий новоиспечённый пенсионер не мог допустить мысли, что достигнутый им социальный статус сильно изменит устоявшуюся жизнь. А что до индекса счастливой старости, имеющий для страны постоянного проживания гражданина Редькина величину в конце первой сотни, то самого гражданина Редькина он мало беспокоил – Семён Савельевич вообще о нём не слышал.

Но удар со стороны пенсионной системы был очень болезненным.

Работа... Начальство родного предприятия, на котором Семён Савельевич честно и многие годы трудился не без пользы для самого предприятия, выждав для приличия девять месяцев, родило желание увидеть на занимаемой инженером Редькиным должности новое лицо. Ну лицо, скажем прямо, для начальства было не новым, а скорее родственным. И, конечно же, не по этой причине этому лицу был положен двойной оклад, а у бедолаги Савелича на стене его комнаты появилась почётная грамота, да на запястье – золотые часы известного бренда.

«Наверно, это справедливо. Молодые кадры приходят на смену стари... Надо куда-нибудь устроиться!» – простая мысль немного успокоила надломленное сердце неугомонного пенсионера.

Сказано – сделано, да сделано с трудом. Доказательство собственной востребованности приобрело для Семёна Савельевича форму унижительного обивания порогов различных предприятий и учреждений, государственных и частных, от крупных и шумных у всех на виду до мелких и незаметных для внимательного ока налоговой инспекции и организованных преступных группировок. Результатом осмотра пенсионного удостоверения кадровиком или «хозяином» был, как правило, вежливый отказ, реже — предложения неквалифицированной работы за смешную заработанную плату.

Смех у дедушки Сени всё усиливался и вскоре стал сопровождаться скупыми слезами старческих глаз, потому как невеликие денежные накопления заканчивались, в ломбард нести было нечего («Это не золото. Китайщина. Подделка. Странно, что они ещё тикают»), Пенсия позволяла оплатить коммунальные услуги, выпить кефир и принять валерьянку. А внучка пошла в первый класс... Пришлось существенно понизить планку ожидаемой благодарности своей страны за его желание работать, объясняя её нынешнюю нелюбовь к своим пожилым гражданам объективными, но временными, трудностями. Например, дефолтом.

«Всем тяжело... прорвёмся...» – вместо восклицательного знака оптимизма Семён Савельевич теперь ставил многоточие сомнения.

Однако, с понижением, так сказать, рейтинга работа нашлась и стала находиться и в дальнейшем, стоило её только потерять нашему трудолику, что происходило с ним регулярно по причинам ли с объяснениями или без причин и без объяснений. Эта чехарда событий заметно подкосила Семёна Савельевича, изменила не в лучшую сторону его внешность, и общий настрой подвёл как-то.

Наконец, лет пять назад старику повезло: должность ночного сторожа, с режимом работы сутки через трое в небольшой устойчивой, как поплавок, фирмочке по оказанию ритуальных услуг. А что, работа неплохая, чистая, бесплатная униформа, оплаченный единый проездной билет... Ещё что-то, не вспомнить... Повезло, короче. Случайность.

В тот год Семён Савельевич, вдовец, собрал наконец необходимую сумму (вкладчину у дочерью, конечно, но велика ли доля матери-одиночки) на скромный памятник почившей

супруги – единственно любимой им женщины. Памятник понравился заказчику, и он дополнительно отблагодарил скульптора коньяком. А тот проникся симпатией к старику и свёл безработного в очередной раз Семёна Савельевича в непотопляемую фирмочку, ибо её бизнес вечен.

А дальше – складик соответствующих товаров и... всё. Выход с виража на финишную прямую.

***

Кондиционер сломался ещё в предыдущую смену и находился в ремонте, а временно заменяющий его вентилятор лишь гонял по сторожке спёртый воздух, пропитанный запахами суточного пребывания человека. Стеклопакет согласно инструкции был «глухой», не открывался, и подоконник перед ним был заставлен горшками любимых Семёном Савельевичем зефирантесами. Можно было открыть дверь и насладиться прохладой позднего вечера середины августа... Можно, если бы не...

Он и его сменщик только что вернулись с обязательного обхода территории склада и особой ночной прохлады не почувствовали: август выдался душным, безоблачным, с ощутимой в воздухе гарью от тлеющих вокруг города торфяников. Дожди с грозами синоптики обещали каждый день, чуть ли не с бубнами шаманили в прогнозах погоды по телевизору, но дождей не было. Природа словно чего-то ждала...

Относительно открытия двери – это во-первых. А во-вторых, Семён Савельевич не решался нарушить инструкцию: сменщик был человеком так себе, дойдёт факт до начальства... Могут и уволить. Конкуренция, Россия, XXI век.

– Сеня, открой дверь. Не могу, пот льёт градом, – услышал Семён Савельевич неожиданную просьбу заполняющего журнал дежурства сменщика. – Ну эту инструкцию в баню, сами как в парной!

– Да без толку это!

– Открой, открой... Ничего твоей оранжерее от лёгкого сквозняка не будет. А кстати, откуда это у тебя. Не мужицкое вроде дело – комнатные цветы. Расскажи, пока я тут дописываю.

Семён Савельевич отошёл от открытой им двери, встал напротив зефирантисов.

– Да так... Потом как-нибудь...

И замолчал. Сменщик не настаивал, да и спросил он из вежливости.

О событиях осени 1962 года Семён Савельевич широкие массы слушателей не посвящал. Сначала об этом настоятельно просили соответствующие органы, а когда уже можно было, то он и сам не желал смешивать факты своей биографии с разгулом «плюрализма мнений». Да и героического ничего не было. Так, повезло.

Двадцатисемилетний тогда Семён Редькин проходил службу в Вооружённых Силах. И трёхгодичная служба эта благополучно подходила к концу, когда весь их мотострелковый полк в одночасье погрузили в вагоны и доставили в один из многочисленных портов для переброски... Куда? Солдатская молва утверждала: «На Чукотку» – так как портовые склады буквально ломились от ватников, дублёнок и тому подобного зимнего обмундирования. Отплыли, а приплыли... на Кубу!

Семён Савельевич мысленно улыбнулся, припомнив солдатские выраженьица:

– Рядовой Редькин!

– Я!

– Угроза США... Выйти из строя!

Всё было как обычно: утренние разводы, караулы, подшив белых воротничков, перловка, уборка территории, вечерние прогулки с песнями... возле пальм и вездесущих крас-

ных цветков – зефирантесов. Но даже природа чувствовала, что скоро всем может настать... Понятно, что.

Океан штормил, и порывами ветра слегка покачивало вкопанный «гриб» караульного поста при складе ГСМ. Рядовой Редькин только что выпустил заправщик окислителя и боролся с тяжёлыми створками ворот, с которыми легко игрался ветер Атлантики.

Заправщик отъехал с десятков метров, когда послышался треск дерева и звонкий удар по цистерне. Семён быстро обернулся, увидел расколотый ствол пальмы поперёк красной надписи «ОГНЕОПАСНО. ЯДОВИТО» и кинулся к кнопке тревоги.

«Как это там? Беда... Ворота... ЧП, сука... Кнопка? Сделал. Что ещё? Противогаз и занять огневую позицию».

Семён задержал дыхание, зажмурил глаза, стал лихорадочно вытаскивать противогаз, шланг, скручивать и натягивать. Когда он шумно выдохнул и открыл глаза, то занимать огневую позицию не стал: сквозь мутные стёкла он увидел возле машины фигуру солдата, очевидно, водилы, который вручную пытался заглушить экстренный слив, но содержимое цистерны мощной струёй выливалось на землю.

– Вот ведь дурень... Беги! И резинку, резинку надень! – кричал Семён, но в противогазе это получалось глухо и невнятно.

Солдат повалился на спину, в самую лужу разлившегося окислителя. Семён подбежал, но вытащить потерявшего сознание водителя, не вступив в ядовитую кислоту, было невозможно. Быстрее же! Семён схватил его за робу и поволок подальше от ядовитых паров, покрываясь испариной, тяжело дыша под резиной противогаса. Его начало мутить: средство индивидуальной защиты где-то травило или он сам впопыхах что-то сделал не то. Семён вдруг почувствовал, что ещё вдох-два и кранты.

«Не дышать! Терпеть!» – то ли он сам себе приказал, то ли кто-то...

К сожалению, тот парень не выжил. А рядовой Редькин поправился и был комиссован. Остались на память об этом случае лишь рубцы на ногах и уважение сослуживцев. А Карибский кризис благополучно разрешился уже без участия Семёна Савельевича.

– Сеня!.. Семён! Савелич! Посмотри, к нам гость!

В дверном проёме сторожки стоял огромный пёс.

***

Пёс стоял в три четверти оборота, от косяка до косяка, так что обойти его было невозможно. Скорее поджарый, чем худой, с гладкой чёрной шерстью, рельефно подчёркивающей развитые мышцы грудины и крупа. Хвост был не виден, но обозначался энергичными ударами в распахнутую наружу дверь. Масть псины не угадывалась, но благородная кровь явно присутствовала. Примечательны были ещё две вещи: взгляд и... Сначала взгляд. Пёс смотрел на присутствующих людей внимательно и с сочувствием, словно почтальон принёс для них послание и знал его неприятное содержание. А второе, что портило пса – это седина или проплешина, латинской буквой «V» шедшая от лопатки за холку.

– Чего тебе! Пшёл! – рука сменщика потянулась к не сертифицированному, но популярному аргументу – бейсбольной бите.

Пёс кое-что знал о предназначении биты в заморской игре, поэтому ответил приподнятой верхней губой с демонстрацией идеальных клыков. Паритет был достигнут.

– Тихо, тихо... Миром всё решим, – посоветовал Семён Савельевич участникам конфликта. Услышав это, пёс перевёл свой оскал в добродушный зевок.

Семён Савельевич, привычно не замечая своей хромоты, осторожно подошёл к псу поближе.

– Слушай, я уже на метро опаздываю... – пёс, не поднимая морды, закатил вверх глаза, слушал слова пенсионера. – Хочешь пообщаться, давай на улице.

Пси́на развернулась, наступила задней лапой на санда́ль Семёна Савельевича и скрылась в темноте.

– Ну, и я пошёл. Удачи!

Пёс, согласно договорённости, подждал Семёна Савельевича в нескольких метрах от сторожки, проявляясь в темноте белками глаз и отметиной на шерсти. Враждебности к пенсионеру он не выказывал, и в поведении его сквозило, как ни странно звучит, сопереживание.

Пёс потыкался носом в брюки подошедшего старика, поскулил, неопределённо фыркнул.

– Слушай, братец, может, ты есть хочешь? Конечно же! Это я тормознул.

Семён Савельевич полез в сумку за остатками суточных припасов.

«Пусть поест... Дома меня дожидается баночка шпрот, а в ней целый нетронутый слой рыбёшек в масле... Очень даже оптимистичный завтрак получится! Ну, что смотришь своими грустными и умными глазами? Ешь!»

Пёс съел всё предложенное.

– Ещё десерт есть! Извини, мне предлагать тебе, как мужику, конфеты как-то неловко... Но чем богаты...

Савельич протянул ладонь, на которой лежали две конфетки-сосульки, и с внезапно нахлынувшей радостью почувствовал, как горячий, мокрый, шершавый язык смахнул их и вдобавок лизнул уже пустую ладонь.

Растроганный старик поднял глаза к звёздам и... Но картину вселенской нежности нарушало собачье чавканье и отсутствие звёзд. Небо было плотно затянуто тучами, воздух загустел до предела, где-то сверкнуло и бухнуло. Первые капли дождя, редкие и крупные, ударили в землю возле ног Семёна Савельевича, рыхлили её своими шлепками. Чаше, чаще, чаще...

Начался настоящий ливень, но Семён Савельевич не двигался с места. Пёс тоже. Каждый думал о своём. Или об одном и том же?

***

Шестилетнего Сеню Редькина и его младшую на два года сестрёнку Свету эвакуировали из города за неделю до официальной даты начала блокады. Это обстоятельство впоследствии вычеркнуло их из списков детей блокады, и, будучи уже взрослыми, они сознательно не добивались спорной справедливости.

Везли их эвакопоездом с сотней таких же ребятишек без родителей, лишь с несколькими воспитательницами срочно образованного детского дома, куда-то за Урал. Другие вагоны также были переполнены беженцами: целые семьи комсостава и партработников; защищённые бронью трудовые коллективы; болезненные граждане призывного возраста; сердобольные женщины и заботливые мужчины, вспомнившие о сибирских родственниках – все стремились перебраться подальше от войны, которая, и все понимали это, будет долгой и беспощадной. Конечно, в вагонах слышалась гармошка: «...от тайги до британских морей...» – но поток в эту самую тайгу был колоссальный.

...Первой же бомбой был повреждён паровоз. Он наехал на собственные обломки и сейчас лежал на боку вместе с тендером и первым вагоном. Остальные, с дырявыми крышами от пуль немецкого бомбардировщика, оставались на рельсах, а в середине состава один вагон выгорал изнутри.

Собственно говоря, всё уже кончилось, или почти всё: немецкий асс с национальной тщательностью завершал начатое. Его Ju-87 сделал эффектный разворот, лёг на боевой курс,

и вот уже стремительной хищной птицей летел вдоль железнодорожного полотна, скользя чёрной тенью по рукотворному аду. Пилот нажал гашетку, и пули двумя параллельными потоками зашлёпали по веткам деревьев, траве, разбросанным вещам, телам убитых и ещё живых, обрывая последнюю надежду на спасение.

Смертоносный дождь приближался к маленькому Семёну. Завершающая атака застала мальчика сидящем на открытом зелёном бугорке, в окружении спелой брусники, Светка была рядом, одной рукой держалась за брата, а второй ела эту самую бруснику. Семён видел цепочки шлепков, видел, как они в ключья рвут людей и не детским умом понял, что один из них предназначен им: или для него, или для сестры, или обоим. Мальчик заплакал, снял матросскую шапочку и прикрыл ей девочку. Сейчас всё кончится.

Но случилось нечто другое. Светка оттолкнулась от брата и поползла в сторону за очередной порцией ягод, прямо под пулёмёт немецкого Юнкерса. У Сени, словно кипятком окатило барабнящее сердце, а в голове кто-то приказал: «Задержи!» Мальчишка повалился на бок, поймал за ногу сестру, с силой потянул к себе. В то же мгновение в камешек на пустом месте попала обманутая пуля.

Детям повезло: самолёт чиркнул по ним своей тенью и улетел, а они были живы. Лишь у Семёна капельки крови проступили на детском чулочке – осколки камешка посекали.

...Семён Савельевич стряхнул наваждение. Огляделся. Чёрного пса рядом не было. На его месте на земле валялись мокрые фантики от двух конфет-сосулек. Старик их поднял и положил в карман. Затем близоруко посмотрел на часы, вздохнул: на метро он безнадежно опоздал, оставался коммерческий автобус, на остановку которого он и поспешил.

Ливень кончился.

***

Народу в небольшой китайский автобус набилось много, но Семёну Савельевичу уступили место, так что он ехал с относительным комфортом: сидел у окна в тесном, рассчитанном на мелких китайцев, кресле, с эргономикой табурета школьного урока труда. Автобус двигался рвано, приходилось цепко держаться за пластиковый поручень на спинке впереди стоящего кресла, периодически стряхивая с руки дождевые капли от капюшона качающегося пассажира. Зато в салон проникала танцевальная таджикская музыка, явно недооценённая большинством, даже несмотря на фрагментарное караоке водителя.

Два бритоголовых меломана после очередного глотка пива сделали ему замечание:

– Эй, Гук, мы не в оккупации. Чтобы через секунду Ой играла!

И странное дело, в репродукторе зазвучала... Впрочем, для Семёна Савельевича все внешние звуки перестали существовать, когда по сердцу резанула невинная фраза, весело брошенная с соседнего ряда:

– Танюша, милая! Сфотографируй нас!

Старик закрыл глаза.

«Зачем? Зачем опять? Ведь всё доказано ещё тогда...»

***

Зима в Сибири должна быть снежной и морозной, и уж если романтика, то по полной. В конце концов, не столько за рублём сюда ехали девушки и юноши со всей страны, сколько за настоящей жизнью, полной дружбы, любви и смысла.

Семён Савельевич понимал и поддерживал настрой молодёжи, хотя сам оказался зимой 1975 года на малом БАМе за «баранкой» «Урала»-хлыстовоза всё же из-за «северных».

Нет, на жизнь – ему, жене и их одиннадцатилетней дочери – вполне хватало, а вот на улучшение жилищных условий – нет. Согласитесь, что десятиметровая комната в коммуналке – это очень мало, а двенадцать лет в очереди на жильё – это очень долго.

Вот и возил Семён Редькин лес, забывая о сне и еде, в полной гармонии общественного и личного: страна получит великую магистраль, а его семья – маленький кооператив.

Первое сбудется, второе никогда.

...Обеденный перерыв заканчивался, и бригада лесорубов толпилась у вешалки вагончика-столовой, отыскивая свои галоши и просушенные ватники.

– Двери! Двери закрывайте, черти бородатые! – из окна раздачи на них кричала повара. – Семён, тебе как обычно? Полный? Сейчас налью, а ты садись, поешь.

Семён кивнул, подал цветасто-драконовый термос. Его лесовоз был загружен, дорога предстояла дальняя и горячий чай всегда кстати.

– Танюша, милая! Сфотографируй нас!

Семён обернулся. Двое молодых парней нарочито долго пили свой компот, заигрывали с симпатичной девушкой, запомнившуюся Семёну с их первой встречи на лесосеке строгими словами: «Учёт тунеядца печёт».

– Нас перебрасывают. Давай, на недолгую девичью память.

Они засмеялись и вышли.

Почему Семёна вдруг охватило чувство вины? Что он не сделал? Не доглядел, не остановил, не отвёл беду...

Двое парней для эффектного снимка залезли на заиндевевшие брёвна его лесовоза, девушка с фотоаппаратом оставалась внизу. Внезапно брёвна вместе с парнями покатались вниз... Ребят покалечило, а девушка погибла.

...Следователь отложил в сторону протокол.

– Семён Савельевич, так почему же открылись оба коника?

– Не знаю... Я проверял... Должно быть упустил что-то...

– Вы признаёте вину? Это очень большой срок... если срок... ЧП на ударной стройке... Эх, Семён, молись на экспертизу!

– Всё едино... Прощенья мне не вымолить...

Семён Савельевич винил в происшедшем только себя. Чтобы случайно открылись оба коника – вертикальные стойки, удерживающие брёвна, – просто невероятно! Однако, эксперты-криминалисты, работавшие по этому особо подконтрольному делу, изучив многочисленные факторы: погодные условия, состояние металла цепей и стоек, конструкцию крепления, расположение груза, его физические параметры и ещё, и ещё, наконец, шокирующий снимок катящихся брёвен с плёнки раздавленного фотоаппарата —пришли к однозначному выводу – это несчастный случай. Водитель не виноват. Свободен. Живи и радуйся. Повезло.

Но Семён Савельевич своему везению не радовался. Ноша, в сто крат тяжелее тех злополучных стволов, раздавила его. Совестью она называлась и требовала былой чистоты. Он нашёл способ с ней договориться.

...Семён тщательно осмотрел обрез, изготовленный из подаренного ему ружья, зарядил.

– Два патрона, два коника...

Спокойно приставил к голове...

– Жена, дочь... прощайте, не ждите...

«...Ждите...» – отозвался чужой внутренний голос.

Семён спокойно нажал на курок.

Выстрела не было. И тут же на второй...

– Может и правда – несчастный случай.

Обрез выпал из дрожащих рук Семёна, ударился спиленным торцом приклада и выстрелил в коленку.

***

Что же сегодня за вечер такой: вся жизнь катится перед глазами, словно автобус с остановками по требованию.

А между тем реальный автобус опустел, и Семён Савельевич ехал в салоне один. Ещё пару кварталов и дома.

Видать, кто-то тормознул маршрутку. Водитель, не останавливая машину до конца, открыл переднюю дверь и на подножку лихо заскочил парень. Створки захлопнулись, автобус стал набирать ход.

Пассажир был высок ростом, широкоплеч, всей фигурой напоминал автомобильный знак «Уступи дорогу». Сходство добавлял чёрный спортивный костюм с белой треугольной вставкой на спине куртки.

Парень наклонился над щуплым таджиком, приобнял, что-то зашептал на ухо. Водитель кивнул. Бугай потрепал его по голове и направился вдоль пустых кресел.

Семён Савельевич с отвращением наблюдал за этой сценой. В конце концов, у него, пенсионера, нашлись деньги за проезд, совсем даже не лишние, а этот...

– Что, дед, смотришь? Да, у меня бабулек нет. А у тебя бабульки есть? – подонок хихикал над собственным остроумием. – Поделись!

– Послушай, мразь...

– Ой, как страшно! Спецуху надел, крутым стал... Может выйти хочешь?

– Я выйду, где мне надо!

– А я сказал – выйдем сейчас!

Он схватил пенсионера за форменную куртку, стал вытягивать из кресла. Старик отбивался изо всех сил. В какой-то момент противники встретились взглядами. На Семёна Савельевича смотрели внимательные, умные и... добрые глаза. От неожиданности он перестал сопротивляться, и парень воспользовался ситуацией: рванул на себя, кинул в проход, упал сверху...

А дальше – визг тормозов, сильнейший удар по автобусу, звуки сминаемого железа и разбитого стекла... В место, где ехал Семён Савельевич, влетел тяжелый внедорожник, но Семён Савельевич подробностей ещё не знал. Он был без сознания.

...Тело болело, особенно, ноги. Но голова была ясная, и всё, что услышал Семён Савельевич Редькин, ему бредом не казалось:

– Живой, а, дед? Ну, так и должно быть! Подарок тебе... Что? Ноги? Опять?! Лежи, лежи... Скорую дожидайся, я уже вызвал. Сегодня хорошая бригада дежурит... Видишь, дед, сколько у тебя коллег... сторожей. Пост сдал – пост принял. Да-а, чего там! Тебе ничего объяснять не надо: вижу, ты многое понял. А раз понял, то прощай. И поаккуратнее теперь... Пост сдал...

Октябрь 2014 г.

Две минуты первого

«Ох, время! То не знаешь куда девать, то не знаешь где найти. Вот только что, возле стопок грязной посуды сетевой забегаловки, его было навалом. И тянулось же, тянулось оно невыносимо долго, как в кресле у стоматолога. А сейчас тает, зараза, словно стипендия в ночном клубе. Но до субботы ещё надо дожить, а до метро добежать. И если в беге своём не ускориться, целовать мне тогда закрытые двери. Хотя сегодня, кажется, я успеваю!»

Белая питерская полночь позволила молодому человеку по имени Андрей и незамысловатой фамилией Курицын разглядеть замаячившую возле стеклянных дверей вестибюля тучную фигуру полицейской дамы, вот-вот готовой эти самые двери запереть. Парень сделал страдальческую мину, на бегу сложил руки в молитвенной просьбе, и просьба сердобольным полицейским в юбке была выполнена: Андрей влетел внутрь станции; успел услышать звук звякнувших ключей, а может это наручники на необъятной талии напомнили о себе; порадовался затихающему эху каблуков казённых туфель.

На лету он приложил к турникету пластиковую карту, тот ответил гостеприимным зелёным светом, и Андрей по инерции продолжил сбегать вниз по эскалатору, но опомнился и сел на рифлёную ступеньку перевести дух.

—... прещается бежать по эскалатору, сидеть на ступенях эскалатора, подкладывать пальцы под поручни... — с полуслова загремела монотонная запись автоинформатора, но прервалась живым усталым голосом:

— Молодой человек, Вас касается.

Андрей нехотя поднялся. «И ничьих пальцев я не подкладываю... Как она меня снизу разглядела, глубоко ведь. А впрочем, из желающих покинуть спальный район с конечной станции последней лошадью лишь я и...»

Только сейчас, ниже на десяток ступеней, первоначально бесформенное пятно случайного попутчика волшебным образом стало превращаться во всегда узнаваемый, соблазнительный силуэт незнакомой молодой девушки.

Она стояла одна, едва касаясь пальчиками поручня, а другой рукой плотно прижимала клатч к стройным ногам. Изящная головка, стриженные светлые волосы без признаков некрашеных корней, прямой носик, пухлые губы, пушистые ресницы... Нет, лица девушки, как и подробности фигуры, скрытые коротким летним плащом, Андрей не видел, но он обладал богатым воображением, и оно привычно послушно по мелким деталям дорисовало в приятных пропорциях всё необходимое.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.